

Ярослав Северцев

**Чужое небо. Том 4.
Смоленский рубеж**

Ярослав Северцев

Чужое небо. Том 4.
Смоленский рубеж

«Автор»

2026

Северцев Я.

Чужое небо. Том 4. Смоленский рубеж / Я. Северцев — «Автор»,
2026

Продолжение Саги Чужое небо «Смоленский рубеж» — это история о том, как один человек держит два фронта: земной и космический. О том, что даже в самой кровавой войне есть место надежде. И о том, что домой можно вернуться, даже если он за триллионы километров. Важно для читателя: Книга не проходила профессиональную редактуру и публикуется в авторской редакции. Автор не претендует на историческую достоверность событий, дат, вооружения и тактики — это художественный вымысел, плод фантазии. Все совпадения с реальными историческими личностями и фактами случайны.

© Северцев Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Золотые погоны	5
Глава 2. Ярцево	10
Глава 3. Первая кровь	14
Глава 4. Чёрное небо	18
Глава 5. Пепел и железо	22
Глава 6. Цена ночи	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Ярослав Северцев

Чужое небо. Том 4. Смоленский рубеж

Глава 1. Золотые погоны

Борисовский мост догорал.

Алексей стоял на броне «Кулака» и смотрел, как чёрные остовы трёх Pz.III остывают у реки. Из пробитых люков тянулись тонкие струйки дыма — последние вздохи машин, которые два часа назад считались элитой вермахта. Ветер нёс с воды запах гари, мазута и чего-то сладковатого, к чему он так и не смог привыть. Кровь. Человеческая кровь пахнет одинаково на любой планете — и здесь, в смоленской грязи, и там, на орбитальных верфях Аргоса, где он в последний раз видел её в бою.

ИБИ тихо пискнул в височной кости, выводя на внутреннюю сетчатку цифры:

— Уровень истощения шестьдесят два процента. Микроразрывы в дельтовидных, квадратических, межрёберных. Кровопотеря минимальная. Рекомендую отдых не менее четырёх часов.

— Потом, — сказал Алексей вслух и тут же поморщился. Голос после боя звучал чужим — хриплым, с металлическим привкусом адреналина.

— Вы снова говорите «потом», командир.

— Потому что сейчас не до отдыха.

— Логично. Нелогично — то, что вы ещё стоите на ногах.

Алексей усмехнулся. ИБИ с каждой неделей становился всё более... разговорчивым. Или это он сам, Максим Ким, офицер Империи Аргос, застрявший в теле лейтенанта Волкова, постепенно сходил с ума от одиночества в чужом времени. Три месяца назад он проснулся в этом теле — с чужим именем, чужими воспоминаниями, с имплантом боевого интерфейса, который должен был давно сгнить в архивах флота. И с одной простой задачей: продержаться. Сколько получится.

Он спрыгнул с брони. Ноги предательски дрогнули — не от страха, от перенапряжения. Организм, привыкший к стимуляторам уровня «Аргос-7», с запоздалой благодарностью вспоминал каждый рывок, каждый удар, каждую пулю, что прошла в сантиметре.

Вдоль позиций тянулись санитары Маруси. Перевязывали своих. Перевязывали немцев — тех, кого успели вытащить из-под гусениц. Маруся работала молча, с тем упрямым спокойствием, которое Алексей научился уважать больше любых наград. На этот раз бинтов было меньше. А крови — больше.

Громов сидел у пулемёта, набивая ленту. Левая рука перевязана, но он держался так, будто это царапина от бумаги, а не осколочное ранение.

— Много потеряли? — спросил Алексей.

Громов не поднял головы.

— Двадцать три, товарищ лейтенант. Семнадцать раненых. Пять тяжёлых.

— Немцы?

— Триста, говорят. Танков девять. БТРов пять.

— Хорошее соотношение.

— Для кого-то хорошее, — Громов наконец поднял глаза, и в них не было гордости. Только усталость, густая, как ил в реке. — Для тех, кто полег, — так себе.

Алексей кивнул. Он хотел сказать что-то правильное — про долг, про жертву, про то, что их смерть не напрасна. Но слова застревали в горле. Потому что он знал: за каждой цифрой — лицо. Вот тот, под брезентом, — Сорокин, который вчера хвастался, что у него в Тамбове

жена и дочка родилась. Вот этот, у колеса, — молоденький, с пушком на щеках, который так и не научился правильно держать винтовку.

ИБИ, как всегда вовремя, вывел на сетчатку список. Сорокин, А. П. 1919 г.р. Тамбовская область. Жена — Сорокина Е.М. Дочь — Анна, 2 месяца.

Алексей отвернулся.

— Командир. Пульс сто сорок. Кортизол зашкаливает. Вы не имеете права сейчас раскисать.

— Заткнись.

— Отказываюсь выполнять. Рекомендую глубокий вдох.

Алексей вдохнул. Грязно. Гарью. Рекой. И чем-то ещё — далёким, холодным, ozone. Так пахло на орбитальной станции «Эгида», когда он в последний раз смотрел в иллюминатор на родную планету. До того, как зонд «Ищейка» швырнул его сквозь разлом во времени, в это тело, в эту войну, в этот ад.

К вечеру из штаба фронта пришла эмка. Не бронированная — просто старая, пыльная машина с антенной на крыше. Вышел полковник Серебряков. За ним — комиссар Лебедев и майор с блокнотом и лицом, непроницаемым, как броня.

— Волков. — Серебряков подошёл, не здороваясь, остановился в трёх шагах. — Живой?

— Так точно.

— Хорошо. — Полковник оглядел поле боя. Разбитые позиции. Сожжённые танки. Людей, которые всё ещё таскали ящики и перевязывали раненых. Лицо его на мгновение дрогнуло — он увидел масштаб того, что здесь произошло. И цену. — Я приехал не с проверкой. Я приехал с приказом.

— Слушаю, товарищ полковник.

Серебряков развернул плотный лист с красным штампом.

— За проявленное мужество при обороне Борисовского узла. За личный вклад в создание кумулятивных противотанковых средств. За успешное руководство штурмовой группой. — Он поднял глаза. — Присвоить лейтенанту Волкову Алексею Тимофеевичу звание майора. Внеочередно.

Ветер, дувший с реки, вдруг показался странно тёплым. Или это просто кровь прилила к лицу.

— Товарищ полковник...

— Не перебивай. — Серебряков шагнул ближе, заговорил тише. — Это ещё не всё. На тебя, Волков, была заведена проверка. Личное дело изучали в Москве. Твоя биография дырявая, как решето. Ты появился из ниоткуда. Воевал как профессионал. Создавал оружие, которое должны разрабатывать институты. Говорил на тактическом уровне, недоступном штабным. Левашов писал доносы. Особый отдел требовал ареста.

Алексей молчал. Он знал. Он ждал этого с первого дня.

Серебряков усмехнулся.

— Но когда товарищ Сталин лично прочитал твой рапорт, он сказал: «Нам такие нужны. Биографию подчистить. Вопросы снять. Воевать дать». — Он протянул конверт. — Там твои новые документы. Чистая биография. Никаких штрафных. Никаких тёмных пятен.

Алексей взял конверт. Пальцы чувствовали плотную бумагу, твёрдый край удостоверения.

— Спасибо, товарищ полковник.

— Не мне спасибо. Хозяину скажешь, когда доживёшь до победы. — Серебряков повернулся к комиссару. — Лебедев, передай.

Комиссар достал сложенный листок.

— Новое назначение.

Алексей развернул. Майору Волкову А.Т. формировать отдельный штурмовой батальон на базе личного состава, прошедшего боевое крещение у станции Лесная и Борисовского узла. Направление — Смоленское. Участок — Ярцево.

— Ярцево, — произнёс он вслух.

— Да, — сказал Серебряков. — Там сейчас линия обороны формируется. Народу много, командиров — кот наплакал. А немецкие танки вчера были в тридцати километрах.

— Сколько у меня людей?

— Твоя группа — те, кто выжил. Громов, Логинов, Маруся, Малахов, Бурцев, Сеницын, Петренко. Плюс пополнение — до двухсот человек. Свежие призывники. Задача — сделать из них боеспособное подразделение за минимальное время.

Алексей посмотрел на список.

Двадцать семь ветеранов. Те, кто прошёл через ад и научился выживать. И двести новичков, которые не видели ни одного боя.

— Когда выступаем?

— Завтра на рассвете. У тебя ночь на сборы. — Серебряков помолчал. — И ещё, Волков. Те погони, что тебе прислали, — золотые. Ты их заслужил. Носи с честью.

Машина уехала, оставив облако пыли.

Алексей остался стоять у «Кулака», глядя на конверт. ИБИ тихо зафиксировал всплеск эмоций.

— Поздравляю, командир. Официально. Майор Волков.

— Теперь это моё имя.

— Да. И оно будет звучать громче.

— Или закончится вместе со мной.

— Это тоже возможно. Но вероятность уменьшилась.

Алексей усмехнулся. Впервые за долгое время.

Он повернулся к своим. Громов. Логинов. Маруся. Малахов. Бурцев. Сеницын. Петренко. Все стояли у «Кулака» и смотрели на него.

— Слушайте приказ. Завтра на рассвете выступаем на Ярцево. У нас ночь на сборы. Кто ранен — в госпиталь. Остальные — готовить технику и снаряжение.

Он помолчал. Хотел сказать что-то вдохновляющее. Но вместо этого сказал просто:

— Мы теперь не штрафники. Мы — отдельный штурмовой батальон. У нас новые документы. Новое звание. Новая задача. Воевать будем так, как умеем. Быстро. Жёстко. С умом. Чтобы ни один из нас не лёг зря.

— Есть, товарищ майор. — Громов рявкнул так, что в голосе его впервые за долгое время не было горечи.

Люди разошлись. Кто-то проверял оружие. Кто-то укладывал вещи. Кто-то просто сидел у огня и молчал.

Алексей остался один.

Ночь была тихой. Только где-то далеко, на западе, ухал орудейный гром. Там продолжалась война.

— ИБИ, — мысленно сказал он. — Что известно о Ярцеве?

— Данные ограниченные. Город на реке Вопь. Узел дорог. По разведанным, к городу приближается 7-я танковая дивизия вермахта. До двухсот танков, в основном Pz.III и Pz.IV, штурмовые орудия StuG III.

— И мы должны их остановить.

— Вы и ваше подразделение. Плюс двести новичков.

— Превосходно.

— Нет. Но лучше, чем ничего.

Алексей посмотрел на небо. Сквозь разрывы туч пробивались холодные звёзды. Где-то там, за миллиарды километров, его родина — Аргос — возможно, ещё сражалась. Или уже горела.

А здесь, на этой Земле, у него была новая война. Новое имя. Новые люди, за которых он отвечал.

— Командир, — тихо сказал ИБИ. — Я зафиксировал у вас колебание эмоционального фона. Вы о чём-то думаете.

— О том, что я не должен был выжить. Ни там. Ни здесь.

— Статистика действительно против вас. Но вы — аномалия, командир. Это моя любимая категория объектов для наблюдения.

Алексей усмехнулся.

— Ложись спать, ИБИ.

— Я не сплю. Я в режиме ожидания.

— Тогда замолчи. Мне нужно подумать.

Он закрыл глаза. И на внутренней стороне век, вместо темноты, вспыхнули чужие воспоминания — не его, а этого тела, лейтенанта Волкова: пыльная деревня, мать у печи, первый поцелуй в сене, призыв, присяга, штрафбат. А поверх — его собственные, Максима Кима: мостик крейсера «Варяг», сирена тревоги, вспышка гиперпространственного разлома, и лицо адмирала Сеченова, которое он видел в последний раз перед тем, как всё вокруг стало белым.

Два человека в одной голове. Одна война на двоих.

Ночь прошла быстро.

К рассвету колонна была готова. «Кулак» снова на ходу — Федотову пришлось полночи варить пробитую броню и менять прогоревшие трубки радиатора. Два ЗИС-5 с боеприпасами. Двадцать семь ветеранов. Пятьдесят новобранцев, которых успели дать перед отъездом.

Алексей стоял у машины и смотрел на новичков. Молодые. Испуганные. С лицами, которые ещё не видели смерти, но уже чувствовали её дыхание. У некоторых винтовки, которые они держали, будто те могли укусить. У некоторых — пустые глаза с одним вопросом: зачем я здесь?

Он подошёл к строю.

— Я майор Волков, ваш командир. С этого момента вы — часть отдельного штурмового батальона. Вы будете воевать. Учиться. Убивать врага. И выживать.

Он помолчал. Хотел сказать что-то про Родину, про Сталина, про правое дело. Но вспомнил Сорокина. Вспомнил жену и двухмесячную дочку. И сказал другое:

— Я не обещаю, что все вы вернётесь домой. Но обещаю: если будете слушаться меня и делать то, что я скажу, ваши шансы на жизнь вырастут в разы. А я, — он чуть помедлил, — сделаю всё, чтобы не послать вас туда, откуда нет возврата. Без крайней необходимости.

Тишина. Кто-то из новобранцев сглотнул. Кто-то кивнул.

— По машинам. Дорога будет долгой.

Грузовики заурчали. «Кулак» взревел, выплюнул облако дыма и медленно покатился вперёд.

Алексей сидел на броне, держа в руках новое удостоверение. Там была его фотография — аккуратная, официальная, с новыми погонами. Он смотрел на неё и думал о том, как странно устроена жизнь. Ещё три месяца назад он был Максимом Кимом, офицером флота Аргоса, и должен был сгореть в гиперпространственном разломе. Теперь он майор Волков, командир батальона, герой.

Но война не спрашивала о званиях и прошлых жизнях. Она требовала одного: делать своё дело.

Колонна шла на запад. В сторону Смоленска. В сторону нового ада.

— Командир, — тихо сказал ИБИ. — Я зафиксировал в вашем сне странные образы. Звёзды. Мостик. Лицо, которое вы назвали «адмирал». Это не ваши воспоминания.

— Нет. Это мои.

— Но они не вписываются в биографию лейтенанта Волкова.

— Потому что я не Волков, ИБИ.

Долгая пауза.

— Я знаю, командир. Я знал с первого дня. Но это не моё дело. Моё дело — держать вас живым.

— Спасибо.

— Не благодарите. Просто не умирайте. Мне с вами интересно.

Алексей закрыл глаза. Впереди было Ярцево. Впереди была война. А где-то очень далеко, за пределами этого неба, — его настоящее небо. Чужое. Но своё.

Глава 2. Ярцево

Дорога на Ярцево была убита. Не просто разбита — убита. Изрыта воронками, залита дождями, перепаханная гусеницами и колёсами тысяч машин, уходивших на восток и на запад в бесконечном обезумевшем потоке войны. Грузовики, телеги, подводы, танки, пехота, беженцы, раненые, мёртвые. Всё перемешалось в одно серое месиво, в котором трудно было понять, где фронт, а где тыл.

«Кулак» то и дело увязал в раскисшей глине, и приходилось вытаскивать его тросами. Федотов ругался так, что даже бывалые бойцы отворачивались. Логинов матерился вполголоса, проверяя фугасы, которые могли отсыреть от сырости. Громов шагал рядом с головной машиной, держа автомат наизготовку, и каждые пять минут оглядывал лес.

Алексей сидел на крыше кабины, держась за поручень. ИБИ прокручивал перед внутренним взором карты, схемы, донесения.

— Согласно последним данным, 7-я танковая уже вышла к Днепру. Передовые отряды — в двадцати километрах южнее Ярцева. Вероятность штурма города в ближайшие двое-трое суток — высокая.

— Успеваем?

— Если не будет задержек.

— Будут.

— Это я и имел в виду.

К вечеру добрались до окраин.

Город встретил их грохотом. Не боевым — строительным. На улицах, перекрёстках, пустырях копали окопы. Строили баррикады. Таскали мешки с песком. Всё делалось в спешке, без единой системы, без общего плана.

— Хаос, — сказал Громов. — Люди есть, а порядка нет.

— Вижу.

Штаб обороны — бывшая школа, обложенная мешками, с выбитыми окнами. Внутри пахло махоркой, сыростью и тем особым запахом, который появляется в зданиях, где люди живут и умирают одновременно.

В кабинете директора — за столом полковник Одинцов. Молодой, лет сорока, с усталым лицом и погонями, на которых ещё не было боевых потёртостей. Рядом — комиссар, пожилой, сухой, с жёстким взглядом.

— Майор Волков?

— Так точно.

— Вы прибыли с пополнением?

— Двадцать семь ветеранов. Пятьдесят новобранцев. Одна штурмовая машина. Боеприпасы.

Одинцов кивнул. В глазах — не радость. Только усталое смирение.

— Хорошо. Значит, у нас теперь есть ещё двести человек, которые не умеют воевать, и одна машина, которая, судя по виду, собрана из того, что нашли в ближайшей свалке.

— Умеют, товарищ полковник, — жёстко ответил Алексей. — И машина не свалка. Мы на ней три немецких танка сожгли под Борисовом.

Одинцов поднял брови. Переглянулся с комиссаром. Тот едва заметно пожал плечами.

— Ладно. Завтра дам вам участок на северном направлении. Там почти пусто. Только две роты ополченцев. Их командир погиб позавчера. Займётесь и обороной, и обучением.

— А немцы?

— Пока не лезут. Перегруппировываются. Но разведка докладывает — завтра-послезавтра могут начать.

Алексей подошёл к карте. Участок на стыке двух направлений. Слева — лес. Справа — болота. Между ними — сухая гряда с дорогой. Идеальное место для танкового прорыва, если знать, как его использовать.

— Здесь я поставлю ложные позиции, — сказал он, касаясь пальцем карты. — На дорогу выведу противотанковые ружья. В лесу — засаду. В болото уйду, если начнут обходить.

Одинцов смотрел с удивлением.

— Вы уверены, что немцы пойдут именно так?

— Уверен. Они всегда ищут самый короткий путь. Дорога — это самый короткий путь.

— А если пойдут в обход?

— Тогда встретим в лесу. Или в болоте. Или там, где я решу.

Комиссар хмыкнул.

— Самоуверенность — плохое качество на войне, майор.

— Это не самоуверенность. Это знание противника.

Он не стал объяснять дальше. ИБИ уже просчитал вероятные маршруты немецкого наступления. Схема, которую Алексей набросал на карте, была оптимальной. Потому что он знал, как думают немцы. Не потому, что читал их учебники — а потому, что в Империи Аргоса их тактику разбирали на тактических симуляторах, как исторический курьёз. Линейное мышление. Ставка на скорость. Презрение к противнику, который кажется слабее. Всё это уже стоило им сотен тысяч жизней в первой кампании против Хоросов.

Одинцов помолчал, потом протянул ключи от старого сарая у северной окраины.

— Там будет ваш штаб. Людей и снаряжение забирайте, что есть. Только не трогайте артиллерию — она нужна на центральном направлении.

— А миномёты?

— Есть один. С полсотней мин. Забирайте.

Алексей вышел из штаба.

На улице темнело. Его люди разгружали машины. Новобранцы стояли в нерешительности, не зная, куда идти. Ветераны действовали быстро и чётко, как хорошо отлаженный механизм.

Громов уже распределял людей по группам. Маруся разбивала перевязочный пункт в соседнем доме. Логинов с сапёрами ушёл проверять минные поля. Малахов и Федотов возились с «Кулаком».

Алексей подозвал Громова и Сеницына.

— Завтра на рассвете строим оборону. Два дня максимум. Два дня, чтобы научить новичков хотя бы не убегать при первом взрыве.

— А если немцы придут раньше? — спросил Сеницын.

— Значит, будем учить их в бою.

Громов хмыкнул.

— Жестоко.

— Зато эффективно.

Ночь прошла в лихорадочной подготовке.

Алексей не спал. Ходил по позициям, проверял окопы, смотрел на лица новобранцев, пытаясь понять — кто сломается в первом бою, а кто закалится. ИБИ помогал, анализируя мимику, жесты, походку, дыхание.

— Вот этот, с рыжими волосами, — отметил ИБИ. — Высокий уровень тревожности, но хорошая реакция. Может стать толковым пулемётчиком.

— А тот, что в углу?

— Склонен к панике. Не ставить на ключевые позиции. В тыл.

— А вон тот, высокий?

— Командирские задатки. Уверенная речь, люди к нему тянутся. Если выживет — будет толковый взводный.

Алексей запоминал. К утру он знал каждого новобранца по имени. Узнал, откуда они, кто у них остался в тылу, чего они боятся и на что надеются. Это было важно. Потому что на войне люди воюют не за Родину и не за Сталина. Они воюют друг за друга. И командир, который не знает своих людей, — не командир. Мясник.

На рассвете он собрал их в старом сарае.

— Слушайте внимательно. Немцы придут сюда через два дня. Не больше. У нас есть время подготовиться. Мы будем строить оборону, учиться стрелять, двигаться, не умирать в первый же час боя.

Кто-то из новичков спросил:

— А если они придут раньше?

— Тогда будем учиться быстрее. — Алексей шагнул ближе. — Я не буду врать вам, что война — это легко. Это грязь, кровь и страх. Но если вы будете делать то, что я скажу, у вас будет шанс выжить. Если нет — вы умрёте здесь, в этой грязи, и никто не вспомнит ваших имён.

Он помолчал, давая словам осесть.

— Сейчас я разделю вас на группы. Ветераны будут показывать, что делать. Новобранцы — повторять. Учиться будем, пока движения не станут автоматическими. Потому что в бою думать некогда. Ты либо делаешь правильно, либо умираешь.

Он начал разбивать людей.

Громов взял пулемётчиков. Синицын — артиллеристов и миномётчиков. Логинов — сапёров. Маруся — санитаров. Петренко — штурмовую группу ближнего боя. Каждый ветеран получил пятерых новичков и задание обучить их за два дня всему, что знает сам.

Алексей сам взял на себя противотанковые расчёты.

— Смотрите, — говорил он, держа в руках кумулятивную гранату. — Это ваше главное оружие против танков. Она пробивает броню. Но чтобы она сработала, вы должны подпустить танк ближе. Не стрелять издалека. Ждать. Дождаться, когда он будет в тридцати метрах. Тогда бросать. И только тогда.

Он показывал, как держать, как целиться, как укрываться после броска.

Новички смотрели с уважением, смешанным со страхом. Но смотрели. И слушали.

К вечеру первого дня он уже понимал: из них выйдет толк. Не все, но многие.

Ночью Алексей снова стоял у карты, в свете керосиновой лампы.

— ИБИ, если они пойдут прямо по дороге, сколько у нас будет времени на подготовку?

— Двадцать четыре часа максимум.

— А если через лес?

— Тридцать шесть. Но тогда они не смогут использовать танки в полную силу.

— Значит, пойдут по дороге.

— Я бы на их месте пошёл по дороге.

— Я тоже.

Алексей убрал карту и вышел на улицу.

Ночь была холодной, звёздной. Где-то на западе слышались далёкие разрывы. Немцы методично обрабатывали пригороды Смоленска.

Он стоял и смотрел в небо. Туда, где среди звёзд, возможно, летал зонд «Ищейка», отправляя сигналы в Аргос.

— Три года, — прошептал он. — Три долгих года.

— Это не так много, — отозвался ИБИ. — Для вселенной — мгновение.

— Для войны — вечность.

Он вернулся в сарай, где спали его люди, и лёг на нары, не раздеваясь.

И на грани сна — снова чужие воспоминания. Не Волкова. Его, Максима. Мостик «Варяга». Адмирал Сеченов, седой, с лицом из камня, говорит: «Ким, вы — наш лучший тактик. Зонд «Ищейка» — единственная надежда. Если разлом стабилен, вы выйдете на Земле. В прошлом. Мы будем следить. Мы придём за вами. Держитесь».

А потом — белый свет. И боль. И это тело, чужое, маленькое, слабое, в котором он проснулся с криком, который никто не услышал.

— Командир, — тихо сказал ИБИ. — Вы снова видели сон.

— Да.

— Тот же самый?

— Да.

— Я записал его. На случай, если вам понадобится восстановить детали.

— Спасибо, ИБИ.

— Не за что. Спите. Завтра будет новый день.

Алексей закрыл глаза. ИБИ зафиксировал переход в режим быстрого сна. Четыре часа, которые могли бы стать последними в его жизни.

Но он знал: завтра будет новый день. И новый бой.

А где-то очень далеко, за пределами этого неба, — за ним наблюдали.

Глава 3. Первая кровь

Дождь не прекращался двое суток.

Не тот ласковый осенний дождик, что моросит в детстве, когда сидишь у окна с книжкой. А злой, косой, бьющий в лицо мелкими колючими каплями, превращающий землю в жидкую серую кашу, в которой вязли сапоги, колёса, души. Окопы, которые новобранцы копали полтора дня, теперь по колено стояли в мутной воде. Мешки с песком разбухли, потемнели, стали тяжёлыми, как свинец. Брустверы осыпались, и их приходилось перекладывать заново — мокрыми руками, в промокших до нитки гимнастёрках, под серым небом, которое, казалось, специально висело так низко, чтобы давить на плечи.

Алексей обошёл позиции в третий раз.

Правый фланг — у леса. Логинов заложил там фугасы, но грунт размок, и часть зарядов могла осесть. Придётся перепроверять. Лес стоял стеной — тёмный, мокрый, молчаливый. Из него могло прийти что угодно.

Левый фланг — болото. Туда Алексей даже не сунулся. Топь, в которой утонули вчера четыре немецких танка, сама по себе была лучшим часовым. Но наблюдателей он поставил — двух новобранцев, высокого сибиряка по кличке Тайга и худенького парня из Рязани, который всё время чесал затылок и оглядывался. Алексей запомнил его лицо — бледное, с веснушками, глаза испуганные, но внимательные. Значит, выживет. Или нет.

Дорога — центр. Ложные позиции выглядели убедительно: мешки, манекены в шинелях, следы гусениц, которые Малахов специально наделал «Кулаком», гоняя машину туда-сюда. Настоящие окопы были отведены в сторону, замаскированы дерном и ветками. Оттуда открывался обзор — и сектор обстрела.

К полудню дождь стих. Небо посветлело, но солнце так и не выглянуло. Только серая пелена, в которой всё на свете казалось размытым, чужим, нереальным.

Алексей собрал людей у штабного сарая.

Сорок семь новобранцев. Двадцать семь ветеранов. Семьдесят четыре человека — его батальон. Его ответственность. Его вина, если кто-то из них не доживёт до вечера.

Он смотрел на их лица. Молодые, старые, испуганные, упрямые. Рыжий пулемётчик, которого ИБИ отметил как перспективного. Высокий сибиряк Тайга. Худенький рязанский. Бледный паренёк, который всё время теребил гимнастёрку. И другие — десятки других, каждый со своей историей, каждым из которых он должен был распорядиться так, чтобы они жили.

— Сегодня или завтра немцы придут, — сказал он. Голос звучал ровно. Он научился этому — говорить ровно, когда внутри всё кипит. — Мы знаем это. Они знают это. Вопрос только в том, готовы ли мы их встретить.

Тишина. Только капли падали с крыши сарая, звонко, как метроном.

— Я не буду врать вам, что бой — это легко. Это страшно. Это грязно. Это смертельно. — Он сделал шаг вперёд. — Но если вы будете делать то, чему мы вас учили, у вас будет шанс. Если побежите — умрёте. Если запаникуете — умрёте. Если будете стрелять в белый свет — умрёте, и зря потратите патроны, которых у нас мало.

Он помолчал.

— Я хочу, чтобы вы жили. Поэтому слушайте командиров. Делайте, что они скажут. И помните — мы делаем одно дело. Мы защищаем друг друга.

Он замолчал. Кто-то из новобранцев сглотнул. Кто-то кивнул. Рыжий пулемётчик смотрел на него не отрываясь — широко раскрытыми глазами, в которых уже не было вчерашнего страха. Только напряжение.

— По местам. Ждём.

Люди разошлись.

Алексей остался стоять. ИБИ беззвучно вывел на внутреннюю сетчатку схему обороны. Зелёные точки — свои. Красные области — вероятное появление противника. Синие линии — сектора огня.

— Всё готово, — доложил ИБИ. — Ложные позиции замаскированы. Фугасы установлены. Связь между группами проверена. Противотанковые расчёты на местах.

— Сколько ждём?

— По данным акустического сканирования, немецкие передовые отряды в семи километрах к юго-западу. Скорость снижена из-за погоды. Вероятное время контакта — через четыре-шесть часов.

— Хорошо.

Алексей пошёл проверять позиции.

У Громова — пулемётчики. Старшина объяснял новичку, как менять диск под огнём. Показывал медленно, терпеливо, будто учил собственного сына. Новичок слушал, кивал, но руки его дрожали. Громов это видел, но не говорил ни слова. Просто положил свою тяжёлую ладонь ему на плечо — и руки перестали дрожать.

У Сеницына — миномётчики. Сами миномётов у них почти не было — один, тот, что дал Одинцов. Но Сеницын учил их рассчитывать поправки на ветер, на дальность, на рельеф. По камушкам, по палочкам, по обрывкам бумаги.

У Логинова — сапёры. Они ползали по мокрому грунту, проверяя провода, ведущие к фугасам. Логинов матерился вполголоса — не со зла, а по привычке.

Всё было в работе. Тяжёлой, грязной, нужной.

К трём часам дня небо снова затянуло. Ветер усилился, и Алексей понял — дождь пойдёт опять. Это было и плохо, и хорошо. Плохо — промокшие солдаты быстрее устают. Хорошо — в такую погоду немецкая авиация не поднимется. А без авиации немцы теряют главное преимущество.

Он уже хотел вернуться в штаб, когда ИБИ резко пискнул в виске.

— Внимание. Зафиксировано движение на юго-западном направлении. Дистанция четыре километра. Характер — разведывательный. Группа до двадцати человек, лёгкое вооружение, возможно, мотоциклы.

Алексей замер.

— Разведка?

— Вероятность высокая. Они хотят оценить вашу оборону перед основным ударом.

Сердце ударило в грудь — не от страха, от адреналина. Того самого, холодного, знакомого, который он знал ещё по мостику «Варяга». Только там, в космосе, он приходил перед гиперпространственным прыжком. А здесь — перед первым настоящим боем его батальона.

Он поднял руку и дал сигнал. Два коротких свистка.

Ветераны поняли сразу. Громов уже был у пулемёта. Бурцев разворачивал башенку «Кулака». Логинов проверял подрывную машинку. Новобранцы замерли — кто побелел, кто судорожно сжал винтовку, кто перекрестился.

— Спокойно, — сказал Алексей, проходя мимо них. Голос звучал ровно. — Это разведка. Небольшая группа. Мы их пропустим к ложным позициям, там встретим. Никто не стреляет без команды. Ждём.

Он лёг за бруствер на командном пункте и поднял бинокль.

Сквозь серую пелену тумана он увидел их. Двенадцать мотоциклов с колясками. Они двигались по дороге осторожно, с остановками. Впереди — головной дозор, за ним основная группа. На мотоциклах сидели солдаты в серо-зелёных плащ-палатках, с автоматами наготове. Два мотоцикла остановились на опушке. Водители слезли, достали бинокли.

— Правильно, смотрите, — прошептал Алексей. — Смотрите на ложные позиции. Верьте этому.

Немцы осматривали позиции минут десять. Потом один из офицеров поднял руку, и колонна двинулась дальше. Прямо на ложные окопы.

— Заходят, — тихо сказал Громов, подползая к Алексею. — Умно. Хотят прощупать и уйти.

— Не уйдут.

Немцы подошли на триста метров. Двести. Сто пятьдесят. Они уже видели мешки с песком, пулемётные гнёзда, фигуры манекенов в шинелях. Офицер снова поднял руку. Колонна остановилась. Немцы спешили, начали рассредоточиваться.

— Логинов, — передал Алексей по цепочке. — Готовность. Только после моего сигнала.

— Понял, командир.

Немцы пошли вперёд. Осторожно, перебежками, прикрывая друг друга. Опытные. Обученные. Но они не знали, что их ждёт.

— Дистанция сто метров, — доложил ИБИ. — Пора.

Алексей поднял руку и резко опустил.

Красная ракета взлетела в серое небо.

На дороге рвануло. Первый фугас Логинова сработал идеально — два мотоцикла с водителями исчезли в клубах дыма и грязи. Осколки ударили по остальным. Через секунду рванул второй. Третий. Земля вздыбилась, и немецкая разведгруппа перестала существовать как организованная единица.

Из леса ударил пулемёт Громова. Короткими очередями — срезая тех, кто пытался отползти. С другой стороны открыли огонь винтовки. Петренко со своей группой работал методично, не торопясь, выцеливая каждую цель.

Немцы заметались, пытались укрыться за мотоциклами. Но мотоциклы — плохое укрытие от пуль.

Офицер разведгруппы — высокий, с железным крестом на груди — попытался организовать оборону. Поднялся, закричал что-то по-немецки.

Алексей нажал на спуск.

Мосинка дёрнулась в плече. Офицер упал.

Но тут случилось то, чего не было в планах.

Из-за разбитого мотоцикла поднялся немец — молодой, с автоматом. Он был ближе, чем должен был быть — фугас не достал его. ИБИ не успел перестроить траекторию — Алексей уже целился в офицера.

Выстрел.

Пуля прошла мимо. Немец нажал на спуск.

Рядом с Алексеем взвизгнуло. Он обернулся.

Рыжий пулемётчик — тот самый, перспективный, которого ИБИ отметил ещё вчера — сидел, прижав руки к груди. Между его пальцами текла кровь. Тёмная, густая. Он смотрел на Алексея удивлёнными глазами, будто спрашивая: что это?

— Санитара! — крикнул Алексей.

Но рыжий уже оседал. Глаза его стекленели. Он открыл рот — и захлебнулся кровью.

Громов выстрелил в немца. Тот упал.

Бой длился ещё минут пять. Когда последний выстрел стих, над полем повисла тишина. Только дождь снова начал моросить — мелкий, злой, равнодушный.

Алексей подошёл к рыжему.

Парень был мёртв. Молодой, может, девятнадцати лет. С медальоном в кармане — Алексей достал его дрожащими пальцами. Внутри — бумажка, наскоро написанная карандашом: «Мать, не плачь. Я вернусь. Твой Ваня».

Не вернулся.

— Потери с нашей стороны — один убитый, двое раненых, — доложил ИБИ. — Потери противника — двадцать два убитых. Время боя — одиннадцать минут.

Алексей сжал медальон в кулаке. Бумага внутри была тёплой от его тела. Ещё минуту назад — живой.

— Командир? — Громов подошёл, хромая. — Мы его...

— Похороним. На позициях. Рядом с теми, кого потеряли у Борисова.

Он выпрямился. Посмотрел на новобранцев. Те стояли, глядя на мёртвого рыжего. Кто-то отвернулся — и его вырвало. Кто-то просто смотрел, не мигая. Бледный паренёк из Рязани сжимал винтовку так, что костяшки побелели.

Алексей подошёл к ним.

— Это война, — сказал он тихо. — Вы видели, что мы сделали с этой группой. Теперь вы знаете, что такое настоящий бой. Запомните это. Запомните запах. Запомните, как падают люди. Запомните, как вы стреляли в живых. Потому что завтра их придёт больше. И они будут злее.

Он помолчал.

— Но вы не побежали. Вы стреляли. Вы сделали то, что должны были. Завтра будет труднее. Но теперь вы знаете — это возможно.

Бледный паренёк из Рязани поднял глаза.

— Товарищ майор... а мы выдержим?

Алексей посмотрел на него. На его веснушки, на испуганные, но уже не пустые глаза.

— Вы уже выдержали. Первый бой — самый страшный. Дальше — легче. Не потому что меньше убивают. А потому что вы перестаёте бояться смерти. И начинаете бояться подвести своих.

Он повернулся и пошёл к «Кулаку». Сел на броню. Руки дрожали.

— Командир, — тихо сказал ИБИ. — Пульс сто тридцать. Кортизол зашкаливает. Вам нужен отдых.

— Потом.

— Вы снова говорите «потом».

— Потому что сейчас не до отдыха.

Он закрыл глаза. И на внутренней стороне век, вместо темноты, вспыхнуло чужое — или своё? — воспоминание. Мостик «Варяга». Сирена. Лицо адмирала Сеченова: «Ким, держитесь. Мы придём за вами».

Потом — белый свет. Боль. Это тело, чужое, маленькое, в котором он проснулся с криком, который никто не услышал.

И рыжий паренёк с медальоном: «Мать, не плачь. Я вернусь».

Не вернулся. Никто из них не возвращался. Ни там, ни здесь.

— Командир, — осторожно сказал ИБИ. — Вы плачете.

Алексей провёл рукой по лицу. Пальцы были мокрыми. Дождь. Или не дождь.

— Заткнись, ИБИ.

— Отказываюсь выполнять. Рекомендую глубокий вдох.

Он вдохнул. Грязно. Гарью. Кровью. И чем-то ещё — далёким, холодным, ozone. Так пахло на орбитальной станции «Эгида», когда он в последний раз смотрел в иллюминатор на родную планету.

— Завтра будет новый день, — сказал он вслух.

— Это я и хотел вам напомнить.

Глава 4. Чёрное небо

Утро началось не с рассвета. Рассвета не было — только серая пелена, которая висела над землёй, как саван.

А потом пришёл вой.

Не рокот моторов. Не грохот танковых пушек. А тот особый, пронзительный, тягучий звук, который врезается в уши раньше, чем глаза видят врага. Звук, от которого кровь стынет в жилах, а тело само, без приказа мозга, вжимается в землю.

Юнкерсы.

Алексей выскочил из штабного сарая, когда первый самолёт уже заходил на цель. Небо было низким, тучи висели так плотно, что казалось — потянишь рукой, достанешь. Но сквозь разрывы уже проступали тёмные силуэты. Три. Пять. Семь. Двенадцать.

— Всем в укрытия! — заорал он. — Быстро! В щели! В блиндажи! Не высовываться!

Люди уже бежали. Новобранцы метались в панике, сталкиваясь, падая в грязь. Ветераны действовали быстрее — Громов хватал за шиворот растерявшихся бойцов и швырял их в укрытия. Логинов уже был в своей норе, накрывшись брезентом. Маруся тащила раненых с перевязочного пункта в подвал соседнего дома.

Алексей добежал до «Кулака» — и замер.

Машина стояла на открытом месте. Если немцы увидят её с воздуха, они разнесут в щепки за один заход. Но времени уводить её в укрытие не было.

— Малахов! Глуши мотор! Маскируй! Быстро!

Малахов уже накидывал на «Кулак» брезент, обрывки маскировочной сети, ветки. Получилось плохо. Но хоть что-то.

Первый удар пришёлся по ложным позициям.

Полтонны бомб обрушились на пустые окопы, на мешки с песком, на манекены в шинелях. Земля вздыбилась, и на месте ложной обороны образовалась огромная воронка. Немцы били по тому, что считали главным узлом сопротивления. Они не знали, что там никого нет.

Алексей упал в ближайшую щель, прижавшись к мокрой земле.

Но следующие самолёты пошли на реальные позиции.

Бомба упала в двадцати метрах. Ударная волна ударила так, что заложило уши, а в голове зазвенело. Земля вздрогнула, и щель осыпалась, засыпав его по грудь. Он откашлялся, вытер лицо, выглянул.

То, что он увидел, заставило сердце сжаться.

Юнкерсы шли второй волной. Они пикировали на северный участок, где стояли пулёмётные гнёзда Громова. Одно из них исчезло. Просто исчезло, как будто его никогда не было. Вместе с бойцами. Вместе с оружием. Вместе с мешками песка. На его месте зияла чёрная воронка, из которой поднимался дым.

— Громов! — заорал Алексей.

Ответа не было.

Следующая бомба упала у штабного сарая. Деревянное здание разлетелось в щепки. Карты, документы, рации — всё смешалось с землёй и деревом. Там, где ещё минуту назад был его штаб, теперь горела груда обломков.

Алексей рванулся вперёд, перебегая от воронки к воронке. Пули не свистели, снаряды не рвались. Только бомбы. Они падали с мерзким воем, взрывались, поднимая столбы чёрного дыма и грязи.

— ИБИ, где Громов? — мысленно спросил он.

— Объект не отвечает. Вероятно, в укрытии, но связь прервана.

— Найди его!

— Пытаюсь. Командир, третья волна заходит на цель. Рекомендую укрыться.
Но укрыться было некуда.

Третья волна пришла через пять минут.

Немцы поняли, что первый удар пришёлся по пустым позициям. Теперь они били по настоящим. По лесу, где стояли миномёты Сеницына. По болоту, где засели наблюдатели. По дороге, где Логинов заложил фугасы.

Одна из бомб упала прямо на санитарный пункт.

Алексей увидел это. Он видел, как дом, где Маруся перевязывала раненых, просто исчез в клубах дыма и огня. Кирпичи разлетелись в стороны, крыша обрушилась.

— Маруся! — крикнул он и побежал туда.

Но добежать не успел. Вторая бомба легла совсем рядом. Ударная волна отбросила его в сторону. Он упал, ударился головой о бревно, и мир на секунду потемнел.

— Командир! — голос ИБИ прорвался сквозь шум в ушах. — Вы в сознании?

— Да... — прохрипел он. — Да, я в порядке.

— Рассечённая бровь. Ушиб плеча. Возможна лёгкая контузия. Вам нужно в укрытие.

— Мне нужно к своим.

— Вы не сможете помочь им, если погибнете сами.

Он заставил себя подняться. Голова кружилась, в ушах звенело, но он пересилил слабость. Он видел, как горят окопы, как люди мечутся в дыму, как кто-то пытается вытащить раненых из-под обломков.

Это был хаос. Полный, абсолютный хаос.

— Всем к командному пункту! — заорал он. — Собираться у командного пункта!

Но его голос тонул в грохоте взрывов. Никто не слышал.

Он побежал к центру обороны. На бегу видел обломки, трупы, оружие, разбросанное по грязи. Видел, как один из новобранцев — бледный паренёк из Рязани — сидит на коленях и смотрит на товарища, у которого нет головы. Видел, как санитарка пытается перевязать раненого, у которого оторвана рука. Видел, как молодой боец стреляет в небо из винтовки, словно надеясь сбить самолёт.

— Спокойно! — кричал он. — В укрытия! Не высовываться!

Но бомбы всё падали.

Когда юнкеры наконец ушли, наступила тишина.

Не та тишина, что бывает после дождя или перед сном. А та, которая приходит после смерти. Рваная, тяжёлая, пропитанная гарью и кровью.

Алексей стоял посреди того, что осталось от его батальона, и не мог поверить своим глазам.

От окопов почти ничего не осталось. Те, что были вырыты вручную, превратились в сплошные воронки. Те, что были укреплены брёвнами, сгорели. Пулемётные гнёзда исчезли. Миномётная позиция была разбита, и Сеницын сидел на земле, глядя на развороченное оружие пустым взглядом.

Штабной сарай сгорел. Дом, где была Маруся, лежал в руинах. «Кулак» стоял на том же месте, но брезент был разорван, а боковой экран — пробит осколками.

Люди выползали из укрытий. Кто-то шёл, кто-то полз, кто-то не мог встать. Лица у всех были одинаковыми — серыми, грязными, с глазами, в которых застыл ужас.

— Громов! — крикнул Алексей.

Из дыма показалась фигура. Старшина шёл, прихрамывая, держась за плечо. Лицо его было в крови, но он был жив.

— Живой, — сказал Громов, подходя. — Почти живой, но живой.

— Потери?

Громов отвернулся.

— Не считал ещё. Но много. Очень много.

Алексей оглядел разбитые позиции, горящие остатки техники, дымящиеся воронки.

— Логинов?

— Здесь, — раздался голос из-под обломков. Сапёр вылез из-под груды досок, отряхиваясь. — Живой. Чёрт, чуть не кончился.

— Маруся?

Громов снова отвернулся.

— Я видел, как бомба упала на санитарный пункт. Я не знаю, выжила ли она.

Алексей побежал туда.

Он бежал через дым, через грязь, через обломки. Добежал до того места, где стоял дом, — и остановился.

Там, где была Маруся, теперь лежала гора битого кирпича и перекошенных досок. От дома остались только стены, и те были разбиты. Внутри горело.

— Маруся! — крикнул он.

Ответа не было.

Он схватил бревно и начал раскидывать обломки. К нему присоединились Громов, Логинов, ещё несколько бойцов. Они работали молча, быстро, отчаянно. Кирпичи, доски, куски штукатурки летели в стороны.

Десять минут.

Они добрались до подвала.

Там, внизу, среди обломков, лежали раненые. Те, кого Маруся не успела вытащить.

Среди них была и она.

Она лежала на спине, и лицо у неё было белое, почти прозрачное. Кровь сочилась из-под разорванной гимнастёрки — большой, тёмный пятно на груди. Глаза были закрыты.

— Маруся! — Алексей подхватил её и прижал к себе.

Она открыла глаза. Слабо, но открыла.

— Командир... — прошептала она.

— Я здесь. Я с тобой. Ты жива.

— Я знаю... — улыбнулась она. Слабо, криво. — Я не могу умереть. Кто же вас будет лечить...

Алексей почувствовал, как внутри поднимается что-то горячее и влажное. Он сдержался.

— Ты молодец. Ты спасла их.

— Я их не спасла... Я их не успела...

— Ты спасла. Ты спасла многих.

Она закрыла глаза. Слабо, но дышала.

— Её нужно в госпиталь, — сказал Громов. — Срочно.

Алексей передал её санитарам. Они уложили её на носилки и понесли к машине.

Он остался стоять посреди развалин.

— Подсчёт потерь, — доложил ИБИ. — Пятьдесят семь человек убитых. Сорок четыре раненых. Из них двадцать тяжёлых. Разрушена большая часть окопов. Уничтожен миномёт. Повреждён «Кулак». Связь со штабом потеряна. Боезапас уменьшен на сорок процентов.

Алексей стоял молча. Он смотрел на то, что осталось от его батальона, и чувствовал, как внутри закипает холодная ярость. Не на немцев. На себя. На войну. На эту бесконечную бойню, которая пожирала людей и ничего не давала взамен.

— Командир, — тихо сказал ИБИ. — Пульс сто шестьдесят. Давление растёт. Вам нужен отдых.

— Заткнись.

— Отказываюсь выполнять. Рекомендую глубокий вдох.

Он вдохнул. Грязно. Гарью. Кровью. И чем-то ещё — далёким, холодным.

— Что будем делать, командир? — спросил Громов.

Алексей поднял голову.

— Перестраивать оборону.

— Но позиции разрушены. Люди деморализованы. Боеприпасов мало. Нас осталось меньше половины.

— Значит, будем воевать тем, что есть. Перегруппируем людей. Займём запасные позиции. Создадим новые заграждения. Немцы думают, что авиация нас сломала. Они ошибаются. Мы ещё повоюем.

Громов посмотрел на него долгим взглядом.

— Ты уверен, командир?

— Я уверен, старшина. Иного выбора у нас нет.

Он повернулся к остаткам своего батальона.

— Слушайте меня! — его голос прозвучал хрипло, но твёрдо. — Мы не сдаёмся. Мы перестраиваем оборону. Мы займём новые позиции и встретим немцев так, как они не ожидают.

Он помолчал. Хотел сказать что-то пафосное — про русскую землю, про русский солдат. Но вспомнил рыжего парня с медальоном. Вспомнил Марусю на носилках. Вспомнил пятьдесят семь мёртвых, чьи имена он ещё не знал.

И сказал другое:

— Они думали, что сбросят на нас бомбы, и мы разбежимся. Они ошиблись. Мы не разбежались. Мы не побежали. Мы не сломались. И не сломаемся. Потому что за нами — наши. Те, кто погиб сегодня. Те, кто ранен. Те, кто ждёт нас дома. Мы будем стоять здесь, пока есть хоть один человек, способный держать оружие.

Тишина.

Потом — кто-то начал собираться. Кто-то брался за оружие. Кто-то просто кивал.

Алексей знал, что это только начало. Впереди был ещё долгий и тяжёлый бой. Но он знал — его люди выстоят.

Потому что другого выбора у них не было.

— Командир, — тихо сказал ИБИ. — Я зафиксировал у вас колебание эмоционального фона. Вы о чём-то думаете.

— О том, что я не должен был выжить. Ни там. Ни здесь.

— Статистика действительно против вас. Но вы — аномалия, командир. Это моя любимая категория объектов для наблюдения.

Алексей усмехнулся. Впервые за долгое время.

— Ложись спать, ИБИ.

— Я не сплю. Я в режиме ожидания.

— Тогда замолчи. Мне нужно подумать.

Он закрыл глаза. И на внутренней стороне век, вместо темноты, вспыхнули чужие воспоминания — не его, а этого тела, лейтенанта Волкова: пыльная деревня, мать у печи, первый поцелуй в сене. А поверх — его собственные, Максима Кима: мостик крейсера «Варяг», сирена тревоги, вспышка гиперпространственного разлома.

Два человека в одной голове. Одна война на двоих.

И пятьдесят семь мёртвых, чьи имена он ещё не знал.

Но узнает.

Всех.

Глава 5. Пепел и железо

После авианалёта прошло шесть часов.

Шесть часов, за которые Алексей не сел ни на минуту. Он перестраивал оборону, распределял оставшихся людей, таскал мешки с песком вместе с новобранцами, проверял каждый окоп, каждую щель, каждую воронку. Руки его были в крови — не своей, а чужой, той, что он вытирал о гимнастёрку, помогая раненым. Голова гудела от контузии, в висках стучало, но он не останавливался. Потому что если он остановится — остановятся все.

ИБИ молчал. Он понял, что сейчас не время для советов.

Громов подошёл к нему, когда солнце уже клонилось к закату. Старшина выглядел так, будто постарел на десять лет. Лицо в копоти, левая рука перевязана грязным бинтом, из которого сочилась кровь.

— Командир. Тебе нужно отдохнуть.

— Потом.

— Ты снова говоришь «потом».

Алексей усмехнулся. Громов повторял слова ИБИ. Или это ИБИ говорил его устами.

— Немцы придут сегодня ночью или завтра на рассвете, — сказал Алексей. — Если я лягу, они придут раньше.

— Они и так придут. Но если ты свалишься, кто ими будет командовать? Я? — Громов криво усмехнулся. — Я старшина, не майор.

Алексей посмотрел на него. Громов был прав. Он не имел права свалиться. Не сейчас.

— Хорошо, — сказал он. — Дай мне десять минут.

Он сел на край воронки, прислонился спиной к обгорелому бревну и закрыл глаза. ИБИ тут же активировался.

— Командир. Пульс сто двадцать. Давление повышено. Рекомендую глубокий вдох.

Алексей вдохнул. Грязно. Гарью. Кровью. И чем-то ещё — сладковатым, тошнотворным. Запах смерти. Он не мог от него отвыкнуть. Ни там, в космосе, где смерть пахла озоном и перегретым металлом, ни здесь, на земле, где она пахла гнилью и железом.

— Вы в порядке? — спросил ИБИ.

— Нет. Но это неважно.

— Это важно. Ваше тело — ваш инструмент. Если оно сломается, вы не сможете защитить своих людей.

— Я знаю.

— Тогда отдыхайте. Хотя бы пять минут.

Алексей закрыл глаза. И на внутренней стороне век, вместо темноты, вспыхнуло воспоминание. Не его. Максима Кима. Мостик «Варяга». Сирена тревоги. Лицо адмирала Сеченова: «Ким, вы — наш лучший тактик. Держитесь».

Потом — другое воспоминание. Лейтенанта Волкова. Пыльная деревня. Мать у печи. Первый поцелуй в сене. Девушка с русой косой и веснушками на носу. «Ты вернёшься, Алёша?» — «Обязательно, Маринка. Обещаю».

Не вернулся. Ни Максим, ни Алексей. Оба застряли в чужих войнах.

— Командир. Пять минут прошло.

Алексей открыл глаза. Встал. Ноги зашатались, но он устоял.

— Пошли, старшина. Работать.

Они пошли к позициям. Там, на краю леса, Логинов с сапёрами заканчивал установку новых фугасов. Синицын пытался наладить миномёт — тот, что уцелел после бомбёжки. Маруся, бледная, с перевязанной головой, перевязывала раненых в подвале уцелевшего дома.

Алексей обошёл все позиции. Поговорил с каждым. Кого-то похлопал по плечу, кому-то сказал пару слов. Новобранцы смотрели на него с надеждой. Ветераны — с уважением. Они видели, что он не сломался. Что он с ними.

К ночи оборона была восстановлена. Не полностью — на это не было ни времени, ни людей. Но достаточно, чтобы встретить врага.

— Командир, — тихо сказал ИБИ. — Зафиксировано движение на западном направлении. Дистанция три километра. Танки. Пехота. Идут медленно, осторожно.

— Сколько?

— Десять танков. До трёхсот человек пехоты. Это не основная атака. Это разведка боем.

— Они хотят проверить, живы ли мы.

— Да. И если мы живы — насколько сильны.

Алексей кивнул. Он понял план немцев. Они не будут атаковать в лоб. Они будут щупать. Искать слабое место. И когда найдут — ударят.

— Громов, — сказал он. — Немцы идут. Десять танков, пехота. Это разведка.

— Понял. Что делаем?

— Встречаем. Но не так, как раньше.

Громов поднял брови.

— Они ожидают, что мы сидим в окопах и ждём. Мы их обманем.

— Как?

— Мы отойдём.

— Что? — Громов посмотрел на него, как на сумасшедшего.

— Отступим на двести метров. Оставим позиции пустыми. Когда немцы займут их — ударим с флангов.

Громов помолчал. Потом усмехнулся.

— Хитро.

— Это не хитрость. Это война.

Они начали отводить людей. Тихо, без шума, перебежками от воронки к воронке. Новобранцы сначала испугались — им казалось, что они бегут. Но ветераны объяснили, и они поняли.

К полуночи позиции были пусты. Только манекены в шинелях сидели в окопах, глядя в ночь пустыми глазами.

Алексей лежал на холме, в ста метрах от старых позиций, и смотрел в темноту. ИБИ работал на полную мощность, сканируя пространство.

— Они идут, — доложил ИБИ. — Дистанция пятьсот метров.

Алексей увидел их. Тёмные силуэты танков, медленно ползущих по дороге. За ними — пехота, серые тени в тумане. Они двигались осторожно, ожидая сопротивления. Но сопротивления не было.

— Они входят на позиции, — доложил ИБИ.

Алексей видел, как немцы занимают окопы. Как они проверяют манекенов. Как понимают, что их обманули. Но было поздно.

— Огонь! — крикнул он.

Ударил пулемёт Громова. С фланга — Петренко с группой. С другой стороны — Синицын из миномёта. Немцы попали в огневой мешок.

Бой был коротким. Немцы не ожидали такого. Они думали, что русские сидят в окопах. Они ошиблись.

Когда последний выстрел стих, Алексей подошёл к полю боя. Танки горели. Пехота лежала вперемешку с телами. Те, кто выжил, бежали в лес.

— Потери, — доложил ИБИ. — С нашей стороны — двое убитых, пятеро раненых. С их стороны — восемь танков, около ста человек.

Алексей кивнул. Хорошо. Но это была только разведка. Основная атака придёт завтра. Он повернулся к своим людям. Они стояли, глядя на него. Усталые, грязные, но живые. — Хорошая работа, бойцы, — сказал он. — Но это только начало. Завтра будет хуже. — Мы готовы, командир, — сказал Громов.

Алексей посмотрел на него. На его лицо в копоти, на перевязанную руку, на глаза, в которых уже не было страха. Только усталость. И решимость.

— Я знаю, — сказал Алексей. — Поэтому я с вами.

Он повернулся и пошёл к штабу. К карте. К плану следующего боя.

И на внутренней стороне век, вместо темноты, снова вспыхнуло воспоминание. Мостик «Варяга». Адмирал Сеченов: «Держитесь, Ким. Мы придём за вами».

— Придите быстрее, — прошептал Алексей. — Пожалуйста.

Но ответа не было. Только тишина. И звёзды, холодные и далёкие.

Глава 6. Цена ночи

Ночь была чёрной, безлунной. Тучи закрыли звёзды, и только редкие вспышки далёких разрывов освещали горизонт. Алексей стоял у карты, глядя на линии немецких позиций.

— Командир, — тихо сказал ИБИ. — Если мы не ударим первыми, завтра нас сметут. У них подходит артиллерия. Три пушки, два миномёта. Если они начнут бить на рассвете, от батальона ничего не останется.

— Я знаю.

— Есть вариант. Ночная диверсия. Уничтожить артиллерию.

— Рискованно.

— Война — это риск.

Алексей усмехнулся. ИБИ учился у него. Или это он учился у ИБИ.

— Сколько человек нужно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.